

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

АВТОПОРТРЕТ

Роман моей жизни

Том 2

ФТМ

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6
В65

Войнович В.

В65 Автопортрет : Роман моей жизни : в 2 т. Т. 2 / Владимир Войнович. — М. : ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023. — (Серия «Литература и искусство»).

ISBN 978-5-4467-3658-4 (общий)

Том 2. — 438 с.

ISBN 978-5-4467-3661-4 (т. 2)

Мало кто из широкого круга читателей хорошо знает, какой жизненный путь пришлось пройти талантливому поэту, драматургу, журналисту и просто удивительному человеку Владимиру Войновичу, прежде чем появились легендарная сатирическая трилогия о солдате Иване Чонкине или роман-антиутопия «Москва 2042». Истории жизни и «необыкновенным приключениям» писателя Войновича посвящен его автобиографический роман «Автопортрет. Роман моей жизни».

Во второй том вошли книги с четвертой по седьмую — «Уйти в разряд небритых лиц», «Живой, но сильно обкусанный», «Мягкая посадка» и «Обратный рейс», а также приложения — письма, статьи, стенограммы заседаний и другие документы эпохи.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4467-3661-4 (т. 2)
ISBN 978-5-4467-3658-4 (общий)

© Войнович В. Н., наследники, 2023
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2023

Часть четвертая

УЙТИ В РАЗРЯД НЕБРИТЫХ ЛИЦ...

Крушение надежд

Лето 1968 года мы с Ирой проводили на арендованной даче в поселке Отдых по Казанской железной дороге. Там, не прекращая работы над «Чонкиным», я написал сначала как вставную новеллу в «Чонкина», а потом оставил как самостоятельную вещь сатирический рассказ «В кругу друзей» — о попойке Сталина и его соратников в ночь на 22 июня. После чего принялся за повесть «Путем взаимной переписки». По вечерам включал свою «Спидолу», слушал западные «враждебные голоса», которые уже несколько лет не глушили. В это время «Пражская весна» была уже в самом разгаре, что внушало большие надежды людям вроде меня и вызывало страх у других. Впрочем, мы тоже боялись. Боялись, что советское руководство применит против пражских реформаторов силу. К тому все и шло. Руководители КПСС все чаще вмешивались в дела Чехословакии, предупреждали, угрожали, вызывали чехов на переговоры в Москву, сами ездили в Прагу, проводили встречи на нейтральной территории. Устраивали угрожающие военные маневры. Нависала опасность нашего вторжения в Чехословакию.

Естественно, я и люди примерно таких же взглядов очень надеялись на успех Пражской революции, потому что она неизбежно привела бы к подобным реформам и в СССР, но глядя на портреты членов Политбюро ЦК КПСС и судя по их речам и действиям, ясно было, что ни на какие реформы они не способны и готовы только к закручиванию гаек. Значит, они сделают все, чтобы задавить эту революцию и подавить наши призрачные надежды на лучшее. Единственная надежда была, что струсят и не посмеют.

Лето было теплое. По утрам, когда я выходил на участок, меня приветствовала всегда копавшаяся в огороде пожилая соседка. Муж ее дочери был советским дипломатом высокого ранга, служил в Че-

хословакии, она так же, как и я, очень интересовалась тем, что там происходит. Но в отличие от меня была в ужасе от тамошнего разгула свободы и демократии.

Каждое утро она меня встречала примерно такими словами:

— Владимир Николаевич, как вам нравится, что там происходит? Вы слышали, что говорит Дубчек? Мне звонила моя дочь, она говорит, что положение очень серьезно. Ужас! Ужас!

Я, придуриваясь, ужасался вместе с ней.

Двадцатого августа я дописывал свою повесть и, торопясь довести ее до конца, работал до полуночи. Примерно в полночь поставил точку и включил радио. Вместо членораздельных звуков из приемника раздался давно не слышанный вой глушилок. Ни одного слова я не расслышал, но именно по вою глушилок понял, что вторжение советских войск свершилось. Только к утру сквозь этот нечеловеческий вой удалось что-то расслышать. Советские танки вошли в Прагу. Идет бой в районе Винограды. В этом районе, я помнил, жила моя переводчица Ольга Машкова. Я представил себе, что в том бою приняли участие два ее сына-подростка. Утром вышел на крыльцо. Соседка, видимо, с нетерпением меня ожидала, чтобы поделиться. Пролезла сквозь дырку в заборе, бежит ко мне через грядки:

— Владимир Николаевич! Вы слышали? Я так рада! Так рада!

— Пошла вон, старая дура! — не сдержался я.

Она опешила, остановилась, ничего не понимая. Ведь я еще вчера был, как ей казалось, ее полным единомышленником.

— Вот какие у нас настроения! — наконец вымолвила она, отступая.

22 августа мы с Ирой уехали в Тарусу и сняли там комнату с верандой. В компании со Светами (так мы называли пару Феликса Светова и Зою Крахмальникову) и других людей, так же, как мы, воспринимавших тогдашние события, слушали по ночам, когда чуть-чуть ослабевали глушилки, новости из Праги. Пражане оказывали нашим войскам пассивное сопротивление. Поснимали с домов таблички с названиями улиц, и советские танки блуждали по городу, как слепые. Люди вывешивали призывы: «Русские, возвращайтесь домой!» Некоторые тексты были с юмором: «Советский цирк опять в Праге! Не кормить! Не дразнить!» Ян Палах сжег себя на Вацлавской площади. Какой-то советский офицер отказался выполнять преступный приказ и застрелился. Западные компартии выражали недоумение. Знаменитый французский шансонье Ив Монтан, еще недавно считавшийся «другом Советского Союза», выступил против советского вторжения. С протестом против втор-

жения вышли на Красную площадь восемь молодых людей, советских граждан. Двух из них — Павла Литвинова и Наталью Горбаневскую — я знал лично. На самом деле их было девять, Наталья вышла с коляской, в которой сидел ее грудной сын. Мы слушали радио, гадали, что будет, предполагая любой исход. Думали, что чехи могут оказать вооруженное сопротивление и конфликт перерастет в большую войну. Все завершилось проще. Чехи и словаки оказались реалистами. Чехословацкая армия из казарм не вышла, а в руководстве страны нашлись коллаборационисты, сменившие реформаторов. Значительная часть чехословацких интеллигентов переместилась на Запад. А мы с Ирой вернулись на подмосковную дачу. В дурном настроении. Ясно было, что, покончив с чехословацкой смутой, советские властители примутся за нас.

Социалист Александр Кемпфе

Через несколько дней вдруг появился Чухонцев с западным немцем. Александр Кемпфе, славист, переводчик, редактор. Живет в Мюнхене. Предполагая, что раз западный человек, значит, думает примерно так же, я ему говорю:

— Какой ужас!

— А что такое?

— Как что такое? Наши танки вошли в Чехословакию.

— А что же в этом ужасного? — он пожимает плечами. — Если бы не ваши танки, туда вошли бы американские.

Меня его высказывание удивило, потому что было слишком похоже на советскую пропаганду. Дальше больше. Оказывается, он социалист и нашу советскую систему уважает больше, чем свою западногерманскую, хотя бы потому что...

— У вас можно бесплатно хворать, — сказал он.

Сказал именно хворать, а не болеть, глагол несколько устаревший, но видно, что он его употребляет осознанно. Я ему стал объяснять, что бесплатно у нас хворать можно, а лечиться не очень. Если болезнь серьезная, требует госпитализации и привлечения хороших специалистов, то это доступно только номенклатуре и другим привилегированным группам населения или за взятки — и немалые. Он выслушал меня, не возражая, но и не принимая моих слов всерьез.

Я его стал расспрашивать, как он живет. Выяснилось, что он социалист, а может быть, даже и коммунист, но не советского типа, а какого-то другого, живет со своими единомышленниками в коммуне, то есть в большой квартире, где у них общее хозяйство и об-

щие жены. Я спросил, есть ли у них дети. Он ответил, что пока нет, но скоро будут, и они будут общие.

Сказал, что хочет напечатать в издательстве «Ханзер» мою повесть «Два товарища», потому что по ней видно, что я настоящий социалист. Я очень удивился и стал уверять его в обратном. Но он мне твердил, что я социалист, хотя, может быть, сам этого не понимаю.

Я продолжал его разуверять, а когда он уехал, подумал, что веду себя слишком глупо. Какая разница, что он думает о моих взглядах. Лишь бы книгу напечатал, а теперь, наверное, он этого не сделает. Я очень сам себя корил за глупость, но, к моему удивлению, он во мне не разочаровался и, приехав на следующий год в Москву, привез желтую книжку с его предисловием, в котором он высоко оценил мое социалистическое мировоззрение. Я не могу сказать, что он очень не прав. Я бы собственное мировоззрение не стал пристегивать к каким бы то ни было «измам», но... К тому, что называлось в Советском Союзе социализмом, я относился и отношусь с отвращением. Я понимаю, что в условиях реальной свободы нет и не может быть никакой иной формы организации общества, кроме капитализма, но и капитализм нормальный не может существовать, если в нем нет движения за социальное равенство и нет достаточно развитой системы социальных гарантий.

Твардовский огорчен

Мою повесть «Путем взаимной переписки» многие мои друзья посчитали моей лучшей вещью, да я и сам оценил ее примерно так же. Но в «Новый мир» отнес ее только осенью. Повесть прочли Ася Берзер, Игорь Сац и Женя Герасимов и очень одобрили. Я уже был запрещенным автором, но они сделали вид, что не знали этого, и послали повесть в набор. В то время журнал подвергался все усиливавшемуся давлению. Повесть, одобренная на первом этаже редакции, поднялась на второй этаж и там застряла. Долго лежала на столах у членов редколлегии и только в феврале 1969 года дошла до Твардовского, который сломал ногу и лежал в больнице. Туда ему и была доставлена верстка повести. Привез ее Кондратович и, вероятно, со своими комментариями. Несмотря на все происходившее в стране, в политике и в литературе, Твардовский не отказался от своего убеждения, что талантливая рукопись не может быть «непроходимой». И когда не мог что-нибудь напечатать, злился на автора и придирался к написанному. Но и придираться мож-

но по-разному. А тут, прочтя, написал на полях верстки (цитирую по дневнику Кондратовича, который со злорадным удовольствием эти слова воспроизвел): «Очень огорчен nepocтижимой невзыскательностью (мягко выражаясь) товарищей, сдавших в набор эту несусветную халтуру, появление которой на страницах «Н. м» было бы позором для журнала. Стыдно, товарищи!»

Узнав об этой резолюции от Аси Берзер, я потерял интерес к каким бы то ни было суждениям Твардовского обо мне, хотя понимал, что читал он повесть в дурном настроении, со сломанной ногой, с обидой на Солженицына, с тревогой за будущее журнала. Но все-таки его мнение было больше, чем несправедливым — оно было нечестным. Повесть и мне, и многим казалась лучше всего мною написанного и напечатанного в «Новом мире», лучше того, что Твардовский когда-то энергично хвалил. Суждение А. Т. было нечестным еще и потому, что я был гонимым (гораздо более, чем журнал), а он, вместо того чтобы признать этот факт, придумал наиболее оскорбительную причину для отказа. Настолько оскорбительную, что я даже не оскорбился — воспринял резолюцию как не достойное уважения самодурство.

Конец «Нового мира»

Несмотря на то что «Новый мир» для меня теперь стал так же закрыт, как и все другие издания, угрозу, нависшую над ним, я чувствовал остро. Вместе с другими «новомирскими» авторами ходил в журнал, как на работу. Некрасов, Тендряков, Трифонов, Домбровский, Светов, я, Виталий Семин, время от времени наезжавший в Москву, — мы фактически дежурили каждый день на первом этаже, ловя новости.

Во всякой драме бывает место смешному. Твардовский в какой-то момент написал письмо Брежневу. Через некоторое время Брежнев ему позвонил, говорил с ним ласково, вспоминал «Теркина», коего, конечно же, был поклонником, обещал принять А. Т. и обсудить ситуацию. Твардовский срочно вышел из запоя и сидел в редакции с утра до вечера, в темном костюме с галстуком, готовый явиться по вызову в Кремль. Ожидание было длительным, тяжелым и напряженным. Как-то пьяный Некрасов поднялся на второй этаж, прошел мимо Софьи Ханановны, говорившей с кем-то по телефону, открыл дверь в кабинет А. Т. и крикнул: «Брежнев звонит!» Твардовский выскочил в приемную, выхватил трубку из рук секретарши.

Некрасов захохотал. Твардовский покрыл его матом.

Кто-то сказал, что у Жоры Владимова есть возможность передать обращение «самому» от какого-нибудь солидного лица в защиту журнала. Разумеется, не из рук в руки. Дело в том, что у его жены Наташи Кузнецовой были (по ее словам) хорошие связи с цирковым миром. А любовником дочери Брежнева тогда был артист цирка цыган Борис Буряцэ, через несколько лет из-за купли-продажи бриллиантов арестованный и кончивший дни в тюрьме.

Солидное лицо нашлось — Константин Симонов. Он написал письмо. Осталось передать его лично адресату. Владимову позвонили, прося приехать за письмом. «Это не нужно, — ломая сценарий, ответил Жора, — пусть Симонов сам сдаст его в окошко в шестом подъезде ЦК, в отдел писем». То есть предложил обычный путь, доступный всем и не гарантировавший доставку письма адресату.

Твардовского сняли. «Новомирские» авторы написали письмо, уж не помню кому, с обещанием бойкотировать новую редакцию. Письмо приносили на подпись и мне. Я отказался его подписать — мне бойкотировать было нечего. Я и в том «Новом мире» был уже автором нежелательным, и при новом составе редакции мне в журнале печататься не грозило.

Время гибких

Вскоре подошло шестидесятилетие А. Т. Опальному юбиляру вместо «Гертруды» (Героя Социалистического Труда) дали всего лишь орден Ленина, что оказалось причиной серьезных переживаний и обиды. Если вспомнить то время, то стоит отметить, что на советскую власть обижались все. Одни — за годы, проведенные в лагерях, другие — за то, что не пускали за границу, третьи — за то, что дали не тот орден или вообще никакого. Маршал Жуков был оскорблен, когда, потратившись на новый парадный мундир, не был приглашен на кремлевский банкет в двадцатую годовщину Победы. Вот обидели и Твардовского. Я слышал, что колебания, чем наградить его, в Кремле были. Ходил слух, что один из писательских начальников — Константин Воронков (сколько же их, теперь забытых, а в то время облеченных властью ничтожеств руководили нашей литературой!) — сказал Твардовскому: «Вели бы вы себя осмотрительней, дали бы Героя». На что Твардовский будто бы ответил: «Никогда не знал, что Героя дают за трусость».

Что касается этого звания, дававшегося за трудовые «подвиги», мог бы и знать. Трусость не трусость, но угодность начальству была необходимым условием получения этой «высокой» награды.